

РЕЦЕНЗИЯ НА РЕЦЕНЗИЮ

В прошлом (или даже в позапрошлом) году мне случайно попала в руки книга стихов Е.Грачёва «Предсказание» («Саратовский писатель», 2005). Открыв наугад, прочла:

Меня как-то агроном
встретил у омёта.
Он меня за сиськи – хвать,
и я его за что-то.

Что это ещё за колхозная эротика? – удивилась я. Листаю дальше:

Эх, ребята вы ребята,
не пойдёт со мной она.
Говорит она: «Ребята,
хобот меньше у слона».

Вспомнила, как кричали Окуджаве из зала на его первом публичном выступлении в 50-х в Доме кино: «Осторожно – пошлость!» Интересно, что бы они кричали сейчас, услышав подобное? Но, может быть, это случайные неудачные строчки, которые можно найти у каждого? Терпеливо читаю дальше:

Словарь графомана

- «Г» Голубые, голубые,
попы к старости худые.
- «Л» Лесбиянка смотрит свысока,
будто у неё два языка.
- «Н» Нудист. Мужик – здоровый боров,
вырвавшись из рук путан и сутенёров.

Нравится? Неужели такой найдётся? Особенно возмутил меня следующий «перл»:

- «С» Суицид. Они идут к плите
с недержаньем газа в животе.

Это уже – за гранью, тот случай, когда пошлость переходит в подлость. Смеяться над людьми, которые решились свести счёты с жизнью, над несчастьем, страданием? Какое же толстокожее непробиваемое самодовольное жизнелюбие у этого человека, подумала я.

Ещё один жанр, претендующий на юмор:

Четвертушки

У женщины четыре колдовства,
вернее, три, а если точно – два,
владеет же она всего одним,
и то, когда без мужа едет в Крым.

Ты не трави меня, Европа, пепси-колой,
орешками и прочею фигнёй.
Хоть я живу на улице Весёлой,
но становлюсь психически больной.

Прямо Дружковым повеяло. Графомания в чистом виде, в классическом её варианте. На этот счёт есть такое четверостишие:

У критиков девизом быть
могла б в наш век такая фраза:
поэтов можешь ты не бить,
но графоманов бить обязан.

Обычно я неукоснительно следую этому правилу. Но тут что-то заколебалась. Стихи были так откровенно беспомощны и плохи, что писать об этом было – всё равно что бить лежачего. Не то чтобы я пожалела автора, просто подумала, что это слишком очевидно и без моей критики.

Заглянула в аннотацию. Там было чему подивиться: оказывается, автор – лауреат Всероссийских литературных конкурсов (каких? когда?), удостоенный Государственной литературной стипендии Правления СП России (за что?), а книгу его – как торжественно объявили по местному радио – издательство «Саратовский писатель» издало аж бесплатно! Предполагалось, что наивный слушатель будет думать: знать, такие стихи хорошие, раз издательство решило пойти на убытки, вынув деньги на грачёвский сборник из собственного кармана. Надо ли говорить, что бесплатный сыр у нас со времён перестройки только в мышеловке, а оплата бывает разной, например, в виде рекламы на радио, где работает Грачёв, или, как это сейчас называют, информационной поддержки...

«Бить или не бить?» – задавала я себе гамлетовский вопрос. Но тут прочла жалкие оправдательные слова авторского предисловия: «Не судите меня строго за юморные стихи типа «словарь графомана», частушки...». Это звучало как извинение за свою творческую несостоятельность. Ладно, пусть живёт, – отмахнулась я. Сам ведь всё понимает...

Но, как потом оказалось, я ошиблась. Графоман себя таковым вовсе не

считал и понимал о себе очень даже много. Через два года он издаёт новый сборник столь же слабых стихов, но уже подкреплённых мощной подпоркой – предисловием «члена Союза писателей России Михаила Муллина». И вот об этом предисловии-рецензии мне и хотелось бы сейчас высказаться.

Когда-то Муллин вот так же щедро, от души предрёк А. Амусину великое поэтическое будущее, написав в предисловии к его книге: «Прочитав этот сборник, веришь: не только благодаря поэзии А. Пушкина, И. Бунина, Н. Рубцова, но и таких, как А. Амусин, звезда русской поэзии никогда не закатится!» (Да, без Амусина она бы закатилась, это уж точно). Теперь он так же не скупится на лестные сравнения Грачёва с великими: «Так, в стихотворении «География, история, черчение...» столько игры! Но игра эта не пустая, а та, о которой Пастернак бы сказал: «Когда строку диктует чувство, // Оно на сцену шлёт раба.// И тут кончается искусство, //И дышит почва и судьба». (Одним словом, «эта штука посильнее «Фауста» Гёте»).

Вспоминается предмет геометрия.
Мы патлаты и в клешах – то поветрие,
то есть мода закосить под битлов
и портвейна хлебнуть – будь здоров.
А ещё мы любили Высоцкого.
Нам попозже расскажут про Бродского.
«Воскресенье», «Машина» – потом,
под гитару у клуба... Поём?

Вот такая «игра». Пастернак бы в гробу перевернулся. Когда-то подобными «преувеличенными» рецензиями было навеяно такое моё четверостишие:

Кобыла непомерной сивости
нам демонстрирует свой бред,
а критик видит в нём красоты,
многозначительности след.

Но Муллину сравнение Грачёва с Пастернаком кажется недостаточным. Он берёт октавой выше: «А цикл «Джинсовый ангел» и поэмы вообще заставляют назвать Грачёва саратовским Петраркой». И сам же в доказательство приводит пример:

Грусть не при чём, грех не при чём,
просто такое дело:
пухлые губы пахнут вином,
красным вином и белым.

То, что Грачёва привлекает винный перегар из «пухлых губ» современной Лауры – дело его личного вкуса (кстати, а в чём разница между перегаром от красного вина и перегаром от белого?) Но вот только Петрарка-то тут «при чём»? Я думаю, что Грачёва всё-таки ни там, ни там рядом «не стояло».

Вообще сентенции Муллина, его панегирики настолько наиграны и не соответствуют процитированным – им же! – стихам, что вызывают недоумение. «Стихи Е.Грачёва подкупают свежестью чувств и свежестью их выражения».

Где-то птицам устало лететь на зарю,
где-то плакать по воле за чёрною дверью. (!?)
Скажет кто-то кому-то: «Любила! Люблю!»
Слава Богу, и я в это, кажется, верю.

Ну и где же здесь обещанная свежесть? По-моему, это скорее походит на «осетрину второй свежести».

О, прекрасные линии!
Белая-белая грудь,
как два яблока спелых,
на ветке стыдливо манящих...

«У неё было два преимущества: большая белая грудь и служба» – вспомнился Ильф и Петров. Но, может быть, кто-то подумает, что я «тенденциозно» подбираю строки? Хорошо, вот вам целое стихотворение. Выбираю наугад:

Золотая пилюля

Я ищу пилюлю золотую.
Ты меня ревнуешь, я тебя ревную,
будем вместе ту пилюлю принимать
и не будем мы друг друга ревновать.

Я ходил к врачу уже три раза,
говорят, что ревность – страшная зараза,
не проходит и неделя без войны,
ею многие уже поражены.

И сказал мне Айболит-профессор,
что, мол, я зануда и агрессор,
что, мол, я ханжа и фантазёр,
и такое всё научное попёр:

«Женщина свободная, как пламя,
нет, любви не удержать руками,
ты её не зли, не карауль,
в мире нет, увы, златых пилюль».

Я любим! В душе моей звучало,
Я люблю! Я всё начну сначала,
за любовь я подниму бокал,
хорошо, что мне профессор подсказал.

Жаль, что профессор не подсказал, то бишь не прописал автору пилюль от писания стихов. Это ему гораздо необходимее. «Грех великий мучить слово, быть лишённым божества», – писал Я.Козловский.

«Очень удачно название сборника «Легенды Изнаира», – восхищается Муллин. – Здесь точное обозначение «точки на карте» – малой родины поэта, и красивое «имя» родной реки, и некий двойной смысл...». Да, имя действительно красивое. И название заинтриговывает. Что ж это за легенды такие? Читаю:

Дядя Федя

Изнаирские легенды –
может, правда, может, нет?
Мне рассказывал сосед
про отдельные моменты.

– Ты, согласишься ли, Евгений,
– дядя Федя говорил, –
раз в году среди могил
возникают чьи-то тени.

Барин спрятал миллионы,
золотой, конечно, клад.
И за ним теперь следят
только лисы и вороны.

И это – всё? Такое чувство, что развернул золочёный фантик, а там – пусто.

Чем больше читаю Муллина, тем больше поражаюсь – где он выкапывает поводы для восторгов? Вот в том же «Дяде Феде», который здесь лишь исполняет функцию информатора, такого наувидел! «Любит он людей. Без

всякой фанаберии относится к так называемым «простым людям», рисуя их прекрасные психологические (?) портреты. В этом смысле показательно стихотворение «Дядя Федя», в котором ярко (!) проявилось авторское понимание этого самого «простого», а на самом деле замечательного (!) русского мужика». В чём же его «замечательность»? В том, что «русский»? Так и этого здесь не указано. Может быть, ещё где-то есть про этого дядю Федю, про баснословные богатства его русской души? Ага, вот:

Всяк на этом свете волен
сказки страшные молоть,
объегорить, подколоть...
Как сосед наш был доволен!

На погосте есть могила,
дяди Фёдора она.
Сказок много, старина,
в них несказочная сила!

Нет, и здесь, извините, не нахожу следов «замечательности» «русского мужика». Думаю, и Диоген с фонарём их бы не обнаружил. В чём она? В том, что мог «объегорить, подколоть»? Как-то это не по-русски.

Муллин хочет нас уверить, что в стихах Грачёва «ярко проявилось» не только «авторское понимание этого самого «простого», а на самом деле замечательного русского мужика», но и понимание простой (а на самом деле не такой уж простой) русской бабы. Точнее, бабки. Цитирую: «В полной мере это относится к стихотворению «Бабушка Тома»:

Сушит бабка Тома
яблоки и груши,
запасает в зиму
внукам на компот.
Голова капусты
тянет к небу уши...

Неспешная домашняя работа предстаёт перед читателем эпически возвышенной. И ясно понимаешь, что и дядя Федя, и бабка Тома – наверняка конкретные люди, глубоко уважаемые автором личности, ставшие объектом литературного «исследования» и приобретшие черты собирательного образа. Уж больно живы!»

Но после «ушей капусты» в стихотворении нет больше ни слова о «бабке Томе». В чём же её «живость»? До чего же богатое воображение у Муллина: видит то, чего нет и в помине. Я уж не говорю о том, что «глубоко уважаемую

личность», ставшую «объектом литературного исследования» (только где оно?) – «бабкой» не называют.

«Ведь автор и сам творит легенды, – продолжает Муллин. – Если «история – мы», то почему же современникам (знакомым, друзьям) не войти в неё? Герои Грачёва достойны этого. И в самом деле, «кто сказал, что прошли те года, о которых слагают легенды»? Вот поэт Евгений Грачёв и написал «Легенды Изнаира».

Должна разочаровать читателя, чтобы не обольщался: никаких таких «легенд» в книге нет. «Достойны» ли герои Грачёва этих несуществующих легенд, сказать невозможно, потому что никаких «героев» здесь тоже нет. Во всяком случае, упомянутые вскользь дядя Федя и бабка Тома на героев легенд явно не тянут.

Может быть, герои, «о которых слагают легенды», – это молодёжь из грачёвской поэмы с претенциозным названием «Реалтоны наших джунглей»? Но духовный и культурный уровень этих «героев» настолько убог, что заставляет отбросить эту мысль, несмотря на муллинские уверения в обратном: «герои выдерживают испытания нелёгким перестроечным временем, внутренне растут, раскрывают свои возможности, мудреют, закаляют души». Одна из героинь выговаривает любимому:

Предо мной лежит Литература –
золотые буквы «на челе».
Ах, какая всё-таки я дура,
что про чувства наплела тебе.
Говори с другими о погоде,
а со мной не надо, извини.

Подруга Маша делится с ней своими любовными ощущениями:

У него спортивная фигура.
Я от рук его захапистых трещу!

А потом – разочарованием:

Ждать счастья, Ленка, не имеет смысла.
Пошла в кабак вчера, опять зависла.
Один пижон – пылал, потом потух,
три сотни баксов улетучились как пух.

Это действительно какие-то «джунгли» непроходимые душ и умов. Четвёртый герой изъясняется только «на фене»:

Он теперь топырится на зоне,

помогли сучары-мусора.

Муллина этот «сленг» умиляет: «Лексика их современна. Причём в лучшем смысле этого слова. А сленг не шокирует, а сразу же ориентирует на понимание происходящего в конкретном, нашем, времени. Молодёжи (той её части, что не оболванена ещё попсой и не ушла в снобы), стихи из книги Грачёва несомненно понравятся. Не молодёжи – тоже». Ну не допускает Муллин даже мысли о существовании тех, кому стихи Грачёва могут не понравиться! Если, конечно, они «не оболванены попсой». Помилуйте, а это-то чем не попса?

День-деньской сегодня чушь несу,
весь семестр не слушала: ни Баха,
ни Шопена, ни Глюкозу, ни Алсу, –

жалуется «героиня» нашего времени. Попсовее просто не бывает.

«Интересен цикл «Четвертушки», – продолжает усердно «пиарить» автора Муллин. Эти четверостишия способны вызвать множество самых серьёзных ассоциаций... В четверостишиях Грачёва есть что-то (по-хорошему) от мудрости Хайяма...» Боюсь, что нет даже «по-плохому».

Влюблённые, не слушайте советов
астрологов, провидцев и поэтов,
ни в двадцать два, ни в сорок пять.
Давать совет легко, сложнее выполнять.

Я испытал и ненависть и страх,
я испытал предательство и братство.
Моя земля стоит на трёх китах,
на ней Любовь, вот всё моё богатство.

Какие же «серьёзные ассоциации» могут вызвать у нас эти вирши? Разве что с песней В.Кикабидзе. Подобных «ассоциаций» тут, кстати, немало. С Галичем, например:

Это Лидочка сидит, а мы у стеночки.
Ты учебничек кладёшь на коленочки.

С Маяковским:

Как же Вы могли, Сергей Есенин,

не гнушаясь пьяным кабаком,
придуряться...

(тут кончается Маяковский и... «дышит почва и судьба», как сказал бы Муллин, но я так не скажу).

...в эту стынь и темень
душу рвать лирическим стихом?

Да. Очень свежие мысли, очень глубокие чувства. А главное – есть что сказать автору! Есть весомый внутренний повод выйти на диалог с любимым поэтом!

Называли Вы себя скитальцем.
Вас по звонким песням узнают!
Как Вы там среди других поэтов,
светских женщин? Вы теперь другой?

Каких «светских женщин» Есенина имел в виду Грачёв в послереволюционной России? Изряднову? Райх? Бениславскую? Надежду Вольпин? Или может быть «босоножку» Дункан, считавшую себя коммунисткой? Есенина окружали не светские, а советские женщины. Светское общество осталось в Золотом веке. А в раю – да будет известно Грачёву – «светских женщин» не бывает. Там все равны.

Что же касается не самых умных вопросов, с которыми автор стихов пристаёт к праху гения, я представляю, что бы он ему на них ответил, будь жив.

Ну ладно, с Грачёвым всё ясно, стихи говорят сами за себя, и, как бы Муллин ни называл серое белым, сделать его таковым он не в состоянии. Но вот как назвать подобные хвалебные рецензии? Что это? Куриная слепота? Словоблудие? Ложь во спасение? Радение родному человечку? Нежелание ссориться с «радиокомпанией»? Беспринципность? Цинизм? (Нужное подчеркнуть).